

А.Г.Белова, И.М.Дьяконов, А.Ю.Милитарев,
В.Я.Порхомовский, О.В.Столбова

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ
АФРАЗИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Выпуск 3

I

в-с-ç-з ѝ-ѝ-џ â-â-ê с лабиалами

2

Предварительные материалы
к словарю и сравнительной грамматике
афразийских языков

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

2. Предварительные материалы к словарю и сравнительной грамматике афразийских языков

И.М.Дьяконов

Общепфразийские именные категории

§1 Классы и род

1. В афразийских языках есть имя существительное, прилагательное и числительное. Однако прилагательные отличаются от существительных по большей части лишь синтаксически и по образованию множественного числа. О специфическом морфологическом оформлении лишь некоторых типов и групп прилагательных см. § 2.2, § 3. По-видимому, на праафразийском уровне прилагательные как особая часть речи не выделялись.

2. В афразийских языках сохранились следы, возможно свидетельствующие о существовании в глубокой древности сложной системы именных грамматических классов, которые впоследствии лексикализовались. Так, по-видимому, показателем класса вредных животных был суффикс $-(a)b-$ (в кушитских и чадских языках, возможно, суффикс или префикс m/\underline{u}): общесем. $kalb-$ 'собака'; общепфраз. $*\check{z}a'-b-$ 'волк, шакал'; общесем. $*\check{c}a^{\check{c}}i-ab-$ 'лиса' (уменьш. $*\check{c}u^{\check{c}}\check{a}i-$); сем. $dab-b-$, $\check{d}ub-b-$ 'медведь'; ег. db 'гиппопотам'; сем. $'arn-ab-$ 'заяц'; общепфраз. $*x^{(w)}v^{\check{c}}r-$, $*^{\check{c}}v_x^{(w)}r-$ 'скорпион' > общесем. $\check{c}aqr-ab-$; куш. билин $k^{\check{w}}r-ad-a$; иракв $x\hat{e}^{\check{c}}/er-an-w$ 'скорпион'. Показателями класса диких и домашних полезных животных были $-li-r$: общесем. $*\check{c}au-r-$ 'бык'; $'imm-ar-$ 'баран'; $'aii-al-$ 'олень'; $*li\check{h}-r-$ 'овца' и т.д. Конечно, многие названия животных, происходящие от эпитетов, этих показателей не имеют (например, сем. $'alp-$ 'крупный рогатый скот', собственно 'обученный, одомашненный'), и вообще древние классные показатели сохранились сравнительно хорошо лишь в семитских языках. К этой же группе показателей относится, по-видимому, $-n$ с неясным значением: общесем. $*\check{c}a'-n-$ 'мелкий скот'; $*u\check{z}-n-$ 'ухо' (афраз. $*n^{\check{w}}\check{z}-$ 'слышать'; араб. ге'эз $bad-(a)n-$ 'туловище, труп' (< $*bad$); общепфраз. $*bi/\underline{u}-n-$ 'промежуток' (< афраз. $*bi/\underline{u}$ 'входить'); акк. $tar-n-$ 'мачта'; чад. нгизим $tuk\check{u}-n\acute{o}$ 'толченая рыба' (< афраз. $*tak^{\check{w}}-$ 'толочь, давить' и т.п. Суффикс $-(a)t-$, позже превратившийся в показатель женского рода, первоначально тоже относился к группе суффиксов именных классов.

3. Независимо от системы классных именных показателей, малопродуктивной уже в праафразийском, существовала бинарная система родов с мужским показателем $*Vu/-Vi$ (или $*-ua/ia$) и женским

*-i > -a₁, -ā. Первый из них сохраняется по большей части лишь пережиточно: в семитских - в местоим. м.р. *šū-ца, в арабском ж.р. - -ā(i), в кушитских агавских форма м.р. -i, ж.р. -a; так нередко и в чадских; в берберских - в префиксах имен status annexus м.р. ц- (см. ниже), в омотских (язык кафичо) - в виде именного суффикса м.р. -ō, ж.р. -ē. В староегипетском окончание имен мужского рода на -ц сохраняется в единственном числе довольно хорошо, во множественном (на -w/-ā-ц-/) - всегда (и по аналогии мн.ч. ж.р. -w-t /-āuāt/). Архаичный показатель женского рода сохраняется в разных афразийских языках (например, в некоторых кушитских, чадских, спорадически в арабском). Чаще же он вытеснен показателем -(a)t- (в дальнейшем обычно > -ah > -ā), распространенным в афразийских языках повсеместно (в кушитских и чадских - лишь в отдельных языках), причем его непервичное происхождение в качестве показателя рода выдвигается тем, что в цепочке суффиксов он занимает иное место, чем архаичные показатели рода.

4. Если в индоевропейских языках различие между родами семантически труднообъяснимо, то в афразийских языках, и в частности в семитских, это различие считается довольно четким: к женскому роду на -(a)t- относятся помимо существ женского пола (акк. šarr- 'царь' - šarr-at- 'царица'; kaššāp- 'колдун' - kaššāp-t- 'колдунья'; араб. šā^cir- 'поэт' - šā^cir-at- 'поэтесса') также имена со значением единичности (араб. naml- 'муравьи' - naml-at- 'одна муравей'), уменьшительные (акк. nār-t- 'речка'; так часто в именах собственных), имена, обозначающие предметы социально пассивные по своему характеру, например объекты деятельности: акк. zitt- < *zawiz-t- 'доля'; lubuš-t- 'одежда'; šalam-t- 'труп'; tarbī-t- 'воспитанник'; ср. беджуйе šā^cir (м.р.) 'корова', šā^c (ж.р.) 'говядина', абстрактные понятия акк. damiq-t- 'благо'; 'urp-at- 'облако'; puluh-t- 'страх').

Ряд древнейших слов, обозначающих существа женского пола, образуются от другого корня и часто без морфа женского рода: сем. 'ab- 'отец' - *imm- 'мать'; ḥimār- 'осел' - 'atān- 'ослица'; араб. ḥāmil- 'беременная'. Аналогично в берберских и других языках.

Сюда же относятся названия парных и четных частей тела (сем. *^cain- 'глаз'; *uḫn- 'ухо'; *iad- 'рука'; *sinn- 'зуб', а также названия местностей, дорог, многих природных явлений (акк.

ḥarrān- 'дорога, путь, поход, караван'; nār-'река'; угар. ḫrā. араб. šams- 'солнце'; араб. 'ard- 'земля'; ср. акк. 'erṣ-et-). Отнесение этих имен к женскому роду выявляется только из согласования. Существует еще некоторое количество имен женского рода, для которых семантическая причина отнесения их к нему неясна; часто эти имена колеблются в роде или имеют разный род в единственном и множественном числе.

§ 2. Падежи

1. Поскольку в египетском гласные графически не обозначались, а берберо-ливийские, чадские, омотские и большинство кушитских дошли до нас только на поздней ступени, а стало быть, с утерей большей части внешней флексии, постольку реконструкция праафразийской падежной системы представляет значительные трудности.

2. Следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что хотя исторически засвидетельствованные семитские языки относятся к номинативному типу конструкции предложения, однако фундаментальный характер именительного падежа отличает его от аналогичного падежа в индоевропейских языках. Показатель именительного падежа -и в древнесемитских языках оформлял только субъект; все другие функции, которые несет именительный падеж в индоевропейских языках, - номинатив без конкретных грамматических связей (например, в названии, перечислении, обращении и т.п.), оформление именного предиката - первоначально лежали в древнесемитских языках на особой форме с показателем =Ø (иногда =а), аналогичной абсолютному падежу в языках с эргативной конструкцией предложения, где, как известно, особый эргативный косвенный падеж оформлял субъект действия (или же транзитивного действия), а субъект состояния (в том числе состояния, наступившего в результате действия, т.е. прямого объекта), а также имя вне грамматических связей и чаще всего именной предикат оформлялись абсолютным падежом, обычно нулевым. Учитывая, что, как мы увидим ниже, праафразийский формально противопоставлял действие состоянию, логично предположить, что древнесемитский именительный падеж являлся развитием афразийского падежа субъекта действия, противопоставленного нулевому падежу (или падежу на -а), выражавшему не только имя вне грамматических связей (так называемый *status in-*

determinatus) и именной предикат (так называемый *status praedicativus*), но и субъект состояния, включая и субъект состояния, наступившего в результате действия.

Именно такое положение мы застаем в ряде кушитских языков (бедауйе, оромо, сидамо) и омотских (омето), а из семитских - в староаккадском и аморейском. В семитских более позднего этапа (но все еще в пределах древней ступени) происходит расщепление абсолютного падежа (*st. indeterminatus/praedicativus*) на $-\emptyset$ и падеж прямого объекта (*accusativus*) на $-a$; из кушитских языков только в оромо падеж на $-\emptyset$ / $-a$ все еще выражает также и аккумулятив (в омотском языке омето нулевой падеж включает семантику аккумулятива, в кушитском сидамо - также и подлежащее состояния [?]).

Если при этом учесть, что в праафразийском языке различие между гласными *i* и *u* не было фонематичным, то можно прийти к заключению, что должно было существовать бинарное противопоставление двух так называемых абстрактных падежей: на $-i/ai$ и на $-\emptyset/a$.

3. Наилучшим образом сохранился не только во всех древнесемитских, но и во многих кушитских падеж на $-i$. В кушитских языках это «падеж отношения»; нередко он имеет краткую форму ($-i$) и распространенную форму ($-i_1a$, $-i_1$); в первом случае он по большей части выражает отношения определения к определяемому, т.е. равен родительному падежу; во втором он выражает и более широкий круг отношений. Именно из распространенной формы «падежа отношений» во всех афразийских языках выработался морф относительных прилагательных (нисба), выражающих преимущественно принадлежность. Нисба имеет обычно форму $-i_1(a)-$, но (в частности, в ряде чадских языков) также и $-u_1a$, что еще раз указывает на первоначальную идентичность падежа на $*-u$ и падежа на $*-i$.

Номинатив или эргатив на $-u$ нигде, кроме семитских языков, в известных мне афразийских языках не засвидетельствован (лишь в сомали как алломорф $-i$). Напротив, номинатив (из эргатива) на $-i$ известен, например, в кушитских языках сахо, оромо, сидамо и др. [однако в этих языках выработались особые инновационные форманты для генитива (например, в сидамо $-u$ и др.)].

4. Именно сохранением формального совпадения эргатива и генитива на $-i$, видимо, объясняется, почему в египетском языке выработалась посессивная конструкция предложения: поскольку субъект действия выражался падежом на $*-i$, совпадающим с родительным, место спрягаемых глагольных форм здесь могли занять посессив-

ные конструкции; лицо субъекта выражается здесь притяжательным (генитивным) суффиксальным местоимением, причем 3-е лицо субъекта выражается им в том лишь случае, если само имя, являющееся субъектом, не названо в предложении; в противном случае местоименный суффикс может не ставиться вообще, поскольку в родительном падеже на *-i стояло само имя, являющееся субъектом действия. При предикате состояния (стативе, т.е. первоначально тоже именной форме на =∅ или =a) субъект обозначался, естественно, прямым падежом местоимения, поскольку для эргативных языков прямой падеж - это абсолютный падеж, выражающий субъект состояния.

5. Ко времени сложения прасемитского языка гласные i и u уже фонематически различались, и поэтому могла произойти дифференциация: -u стал падежом субъекта, а -i -родительным падежом. Одновременно произошла дифференциация также и падежа на -∅ /-a: хотя в наиболее древнем слое староаккадского, а также аморейского языка -a еще продолжает употребляться в качестве *st.indeterminatus* или *praedicativus*, однако возобладало различие =∅ как абсолютной формы и =a как формы падежа объекта (на более ранней стадии - субъекта состояния, наступившего в результате действия). Это положение можно допустить для всех языков семитско-кушитско-берберской группы, потому что оно связано, как мы увидим ниже, с выработкой префиксального спряжения для предикативного слова (глагола) транзитивного и интранзитивного действия. Для прасемитского на этой стадии засвидетельствованы "абстрактные" падежи:

Прасемитский		Востокушитские	
Им.пад.	-i	Эрг.пад.	-i
Род.пад.	-i		-u, -i (и др.)
Вин.пад.	=a ¹		} =∅ /-a
Абсолют.ф.	=∅		

6. Наряду с «абстрактными» падежами, выражавшими субъектно-объектные и определительные отношения в предложении, к праафразийскому времени следует отнести также показатели пространственных отношений. Они сохранились хуже, кроме того, здесь, по-видимому (например, в кушитских языках), возникли и вторичные образо-

¹ Винительный падеж мог обозначать также объект глаголов движения, т.е. выступать в качестве локативного, а также темпорально.

вания (из предлогов, которые при перемене порядка слов давали послелоги, и т.п.).

Довольно надежно можно выделить падежи:

-v^н, -v^д - локатив=терминатив, дательный; хорошо засвидетельствован в форме -i^н в аккадском, аморейском, в форме -a^н > -ah > -ā в других западносемитских, включая эблаитский, угаритский и древнееврейский, а также в южноаравийском эпиграфическом. Хорошо засвидетельствован также в ряде кушитских и омотских как дательный или локативный падеж (билин, аунги [аккузатив], омето и др.);

-dv, -vd - совместный падеж, дательный; засвидетельствован в ряде кушитских агавских, как предлог - в берберо=ливийских;

-iv - отложительный падеж, сравнительный; засвидетельствован в ряде кушитских и омотских языков; как предлог - в семитских; указательное местоимение в ряде кушитских;

-vm - локатив=адвербиалис; засвидетельствован в аккадском в форме -um [*m здесь является функциональной частью морфа, а не мимацией, т.е. старым артиклем (см. ниже), хотя, подобно мимации, в дальнейшем это -m подвергается редукции];

-l - направительный падеж в кушитских (билин, сахо); как предлог - в семитских lv- и египетском n;

-f/p - отложительный падеж в омотских; союз, указательное местоимение в других языках.

§ 3. Состояния

1. В семитских, берберо-ливийских и, вероятно, в египетском языке в имени выработалась еще одна особая именная категория - статусов (состояний). Это словоизменение, зависящее от синтаксической роли имени. Число и характер статусов по языкам различны. Статусы различались между собой характером оформления падежей и огласовкой основы, зависевшей от фразового ударения.

2. Из семитских языков система статусов наиболее развита в аккадском. Здесь различаются:

st.rectus, склоняемое состояние, в котором находится имя без определения или определяемое прилагательным, выражающее субъект (падеж на -u), объект или обстоятельство (падеж на -a или один из локативных), или же имя-определение, а также имя, управляемое предлогом (падеж на -i);

st. constructus, сопряженное состояние, в котором находится имя, определяемое другим именем в родительном падеже. Первоначально формы **st. constructus** склонялись, но очень рано имя перестает оформляться падежным показателем (в случае абстрактных падежей дольше всего держится родительный падеж на -i) и составляет вместе с определением единую синтагму с общим силовым ударением;

st. pronominalis, предместоименное состояние, оформляющее имя, определяемое суффиксальным местоимением. Это, в сущности, разновидность **st. constructus**, однако здесь падежные окончания сохраняются дольше (в родительном падеже - всегда, причем на падежном показателе -i- лежит либо силовое ударение, либо скорее контурный тон). По-видимому, перед местоимением при словоформах имен, где в последнем слове основы был долгий гласный, тон переносился на падежное окончание, что приводило к его сохранению, например: *šarr-ū*, *šarr-ī* 'цари'; мн.ч. им. и род./вин.пад. **st. pron.** *šar' r-ū-šu*, *šar' r-ī-šu* 'его цари, его царей'; *ḥiṭ-u* (<**ḥiṭ'-u*) 'грех', **st. pron.** им.пад. *ḥiṭ'-ū-šu*, *ḥiṭ'-ī-šu*, *ḥiṭ'-ā-šu*; *ša'dū* (< *šadda'-u-m*) 'гора', **st. pron.** им.пад. *šad'ū-šu*, род.пад. *šad'ī-šu*;

st. indeterminatus, неопределенное состояние, оформляющее имя в функции предиката, а также не связанное грамматически. Это пережиток древнего абсолютного падежа (падежа состояния) на -a/-∅ и обычно имеет нулевое окончание. Однако при употреблении **st. indeterminatus** в его различных функциях имеются незначительные различия в оформлении, вследствие чего иногда вместо одного **st. indeterminatus** различаются два состояния: **st. praedicativus** и **st. absolutus**.

3. В древнееврейском языке средней ступени в связи с утерей внешней флексии имеется только три состояния:

st. absolutus, соответствующий аккадским **st. rectus** и **st. praedicativus**:

st. constructus, отличающийся изменением огласовки в сторону некоторого стяжения; имя в **st. constructus** нормально несет только вспомогательное ударение;

st. pronominalis, нередко сохраняет первоначальную огласовку основы.

Примеры: **st. abs.** *mal'ak* 'вестник, ангел', **st. constr.** *mal'-ak*, **st. pron.** *mal'ak-ō*; **st. abs.** *šēpār* (<**sipr-*) 'книга', **st. constr.** *šēpār*, **st. pron.** *sip' r-ō*.

4. В арабском языке сохранились только два состояния: **st. rectus**, при отсутствии определенного артикля **al-** сохраняющий после падежных показателей так называемую нунацию (см. ниже), и **st. constructus**, ее никогда не сохраняющий. Ввиду слабости силового ударения в арабском никаких стяжений не происходит.

5. В берберо-ливийских языках выработалась совсем иная система состояний. Имя в роли определения и субъекта глагола в предложении, где субъект следует за предикатом, находится в так называемом присоединительном состоянии (**st. annexus**). Такое имя сохраняет первоначальные родовые префиксальные или конфиксальные показатели, по-видимому родившиеся из наиболее древней модели артикля: м.р. ед.ч. **u-gəllid** 'царь', мн.ч. **u-gəllid-an**, ж.р. ед.ч. **t³-gəllid-t** 'царица', мн.ч. **t³-gəllid-in** (др.-лив. **V-gld-t**, ж.р. ***t-gld-t**). В остальных случаях имя находится в так называемом свободном состоянии - **st. liber** и принимает вторичный артиклеобразный (но ныне уже тоже утерявший свою детерминирующую функцию) показатель, обычно м.р. ед.ч. **a-gəllid**, мн.ч. **i-gəllid-an**, ж.р. ед.ч. **ta-gəllid-t**, мн.ч. **ti-gəllid-in**; существуют и другие модели. В частности, те имена, которые начинались с согласных, в историческое время исчезнувших (*h, *, *h^h, *h^h. *u/i, *q), имеют постоянное гласное начало, качественно зависящее от исчезнувшего согласного, причем данное качество гласного сохраняется как в **st. annexus**, так и в **st. liber**; в большинстве случаев оно одинаково как в единственном, так и во множественном числе. Гласный бывшего вторичного артикля на это гласное начало обычно уже не влияет, а в **st. annexus** родовой показатель, естественно, помещается перед ним. Таким образом, в мужском роде в **st. annexus** *u+a- > ua-, *u+i > i-, *u+u- > u-. а в **st. liber** a-, i-, u- в зависимости от первоначального согласного (*h-, *'-, h-, q-, i-, u-): в женском роде в обоих состояниях имена этой группы начинаются с t-a-, t-i-, t-u-. Такова основная картина в главнейших североберберских языках, однако имеются исключения и расхождения по отдельным языкам.

6. Кушитские языки дают в зависимости от синтаксической роли имени сложные и неоднородные системы статусов, а при большом разнообразии кушитских и малой изученности многих из них здесь трудно выделять архетипы; следы системы состояний можно наблюдать и в чадских языках.

Состояния существовали также в египетском (во всяком случае, *st.constructus*), хотя несовершенство графики затрудняет исследование.

Отметим лишь, что возникновение статусов в значительной мере связано с возникновением силовых ударений. В тоновых языках, каковыми являются чадские и многие из кушитских, синтаксическое положение имени в предложении часто может более отразиться на изменении тонового контура словоформы, чем на изменении огласовки, стяжениях и т.п.

§ 4. Число

1. Первоначально в афразийских языках различались единственное, двойственное и множественное число. Однако двойственное число оставалось продуктивным из исторически засвидетельствованных языков лишь в ранних: в семитских - староаккадском, эблаитском, угаритском, арабском литературном, а также в староегипетском. Из языков средней ступени оно сравнительно хорошо засвидетельствовано лишь в древнееврейском, в языках же поздней ступени обнаруживаются лишь единичные, случайные реликты (по-видимому, берб. ташельхит *məraɣ-in* 'двадцать'; чад. логоне *maɾaɣ-en* 'груди' и т.п.). Двойственное число образовывалось с помощью морфем \bar{a} - (в прямом) или $*-i_{\bar{a}}-\rightarrow-a\bar{i}$ - (в косвенных падежах), помещавшихся после показателя рода и перед нунацией/мимацией (см. ниже), если таковая была.

Наиболее древним показателем множественного числа была, по-видимому, морфема \bar{a} -/ a -, помещавшаяся перед показателем рода или (весьма часто) инфигированная перед последним согласным именной основы: ед.ч. м.р. $C_1VC_2C_3-(a)\bar{u}$ -. мн.ч. либо $C_1VC_2C_3-\bar{a}\bar{u}$ -, либо $C_1VC_2-\bar{a}-C_3-(a)\bar{u}$ -. ед.ч. ж.р. $C_1VC_2C_3-(a)t$ -. мн.ч. $C_1VC_2C_3-\bar{a}-t$ -. Этот тип образования множественного числа подробно прослежен по различным афразийским языкам Дж.Гринбергом. По-видимому, этот a - (собственно, $*-\hat{a}$ - ?) нес на себе контурное ударение, отсюда в некоторых южнопериферийных языках он распада-

ется на два слога, и множественное число образуется по типу: м.р. **-áhà-na* (или **-áhu/i-na*), ж.р. *táhà-t-u*. Следы контурного ударения на морфах множественного числа наблюдаются и в аккадском: мн.ч. ж.р. *-ā-t-u-m* (т.е. /*-ā-t-u-m/* ?), ст. pron. *-ā-t-ī-šu*.

В чистой форме эта система образования множественного числа в исторически засвидетельствованных языках нигде не дошла ¹. Древнейшие из них, староегипетский и староаккадский, развили другие системы оформления множественного числа, основанные на развитии по аналогии. Поскольку *-āt-* воспринималось как выражающее множественность путем удлинения показателя рода *-at-*, в староаккадском языке аналогично и множественное число мужского рода стало выражаться удлинением конечной морфемы: ед.ч. им.пад. *-u*, род.пад. *-i*; мн.ч. им.пад. *-ū*, род.пад. *-ī*. (То же явление можно реконструировать и для всех других семитских языков.) Напротив, поскольку в староегипетском **-āṯ-* (мн.ч. м.р.) целиком воспринималась как морфема множественного числа, постольку и множественное число женского рода стало плеонастически выражаться сочетанием морфем **-āṯ-āt-*; аналогичные образования спорадически встречаются и в чадских ², берберо-ливийских ³ и в семитских языках, например в арамейском.

К имени как в единственном, так и во множественном числе мог, как мы увидим ниже, присоединяться артиклеобразный суффикс **-m/*

¹ В кушитских и чадских языках поздней ступени это характерное образование часто изменено до неузнаваемости происходившими фонетическими процессами: куш. сомали мн.ч. ж.р. *-o(d)*; чад. баде мн.ч. ж.р. *-t*, *-ēt* и мн. др.; также, возможно, чад. хауса *hanɔa* 'дорога', *tuta* 'знамя', мн.ч. *hanɔ-ocɪ*, *tut-ocɪ* (?).

² Чад. мн.ч. *=a* (<**-ā*), *=ā*: хауса *yaɔo* 'мальчик', *ma-keri* 'курица' - мн.ч. *yaɔa*, *ma-kerɔa*. То же в кушитских (например, в бедауйе). Однако в ряде случаев можно предполагать падение конечно-го согласного.

³ По мнению А.Бассэ, берберо-ливийское окончание мн.ч. м.р. *-(a)ɔn*, ж.р. *-(a)ɔɪn* первоначально образовывались только от имен с конечным *-ɔ* в основе (*a-məkɔa* <**a-məkɔaɔ* 'пастух', *ta-məkɔaɔ-t* 'пастушка', мн.ч. *i-məkɔaɔ-ən*, *ti-məkɔaɔ-in*, но затем распространились и на некоторые имена других типов словообразования.

*-n (мимация/нунация); во множественном числе по аналогии с другими морфемами множественного числа он удлинялся до *-ma/*-na¹. С утерей детерминирующей функции мимации/нунации, а также по мере падения внешней флексии -m/-n после падежного показателя в единственном числе повсеместно исчез, но во множественном числе часто сохранялся, уже без всякой артиклеобразной функции, лишь укорочиваясь из *-ma/*na > -m/-n.

2. Следует отметить, что в двойственном и множественном числе, насколько можно судить по древнейшим исторически засвидетельствованным семитским языкам, всегда различались только два «абстрактных» падежа, а именно: им.пад. -ū, род.=вин.пад. -ī. Отсюда можно выявить следующие исторически засвидетельствованные формы множественного числа:

ег.: м.р. *-āu-i (?), ж.р. *-āu-āt-i (?).

акк.: м.р. -ū/-ī (без мимации), ж.р. -āt-u-m²; -āt-i-m.

угар.: м.р. -ū-ma/-ī-ma, ж.р. -āt-u/-āt-i (без мимации);

др.-евр. (утерявший склонение): м.р. -îm, ж.р. -ôṭ (без мимации);

араб.: м.р. -ū-na/-ī-na, ж.р. -āt-u-n/-āt-i-n.

берб.-лив.: а) др.-лив. (видимо, утерявший склонение): м.р. *-ā-n, ж.р. *-āt-in > *āhin; б) новоберб.: м.р. -an, -ən, ж.р. -in. (В др.-лив. окончание ж.р. мн.ч. in, вероятно /-atin/.)

Те же показатели засвидетельствованы также и в других афразийских языках, однако обычно наряду с различными инновациями.

Некоторые афразийские языки различают особую систему образования множественного числа прилагательных; например, в аккадском: м.р. -ūt-u-m (где -ūt- одновременно функционирует в единственном числе в качестве форманта абстрактных существительных в женском роде), ж.р. -āt-u-m: в арабском языке древний способ образования множественного числа (см. выше) применяется только для прилагательных и причастий, в остальных же случаях, как правило, применяется так называемое ломаное множественное.

¹ Исторически, вероятно, наоборот: выступая в роли артикля, энклитически суффицируемое указательное местоимение *ma* сокращалось в единственном числе до *-m/*-n.

² В аккадском встречается также мн.ч. м.р. -ān-ū, первоначально только как множественное конкретных единиц, позже как алломорф обычного показателя множественности. В окончаниях -an (м.р., берберские), -ān (м.р., кушитские бедауйе), -n (м.р., чад-

§ 5. Ломаное множественное

Ломаное множественное, или *pluralis fractus* - это прием образования множественного числа путем внутренней, преимущественно гласной флексии. Он наиболее характерен для арабского языка, где имеется множество различных типов такого множественного числа, а также для южнопериферийных семитских и эфиосемитских языков. Однако в той или иной степени этот прием распространен, по-видимому, во всех афразийских языках; ср., например, в семитских: араб. *qalb*- 'сердце' - мн.ч. *qulūb*-; **bahr*- 'море' - мн.ч. **ʿa-bḥār*-; *ma-rkaz*- 'центр' - мн.ч. *ma-rākiz*-; также и в современных заимствованиях: *bank* 'банк' - мн.ч. *banūk*; *ǧurnāl* 'журнал' - мн.ч. *ǧarānil*; гораздо реже в северных семитских языках: акк. **alak-t*- 'путь, поведение' - мн.ч. **alkak-āt*-; *ṣeḥr*- 'малый' - мн.ч. *ṣeḥḥer-ū*; в кушитских: бедауйе *kām* 'верблюды' - мн.ч. *kam· ebrīk* 'джезва, кофейник' - мн.ч. *ʿebrik*; афар. *ḗrjān* 'облако' - мн.ч. *erjāmo*; сахо *lelle*^c 'день' - мн.ч. *lellā*^c*a*, *lala*^c; иракв *xaʿāno* 'дерево' - мн.ч. *xaʿi*; алагва *xaʿimo* 'дерево' - мн.ч. *xaʿe*; в берберских: *a-gadir* 'укрепленный склад, укрепление' - мн.ч. *i-gudar*; *a-fus* 'рука' - мн.ч. *i-fass-ən*; каб. *a-duggal* 'свойственник' (< **hā-daḡḡāl*-) - мн.ч. *i-dul-an*; *ta-sir-t* 'мельница' - мн.ч. *ti-sjar*; в чадских: **akuya* 'роза' - мн.ч. **ʿawakai*-; *sirdi* 'седло' - мн.ч. *siradda*.

Формы эти неоднородны по своему происхождению. Возможность их существования и широкого распространения объясняется в любом случае тем, что внутрифлексивное изменение огласовки было в афразийских языках вообще наиболее продуктивным и привычным средством словообразования и словоизменения, однако конкретные пути образования были разные. Одним из важнейших была инфикация наиболее распространенной внешней флексии множественного числа *-ā-*. Это явление хорошо известно семитологам по древнееврейскому языку (*kālāb* 'собака' < **kalb*-, мн.ч. *kālābīm* < **kalāb-ī-ma*). Оно особенно широко распространено в берберо-ливийских.

Ломаное множественное из семитских языков стало ранее всего применяться в южнопериферийных (и эфиосемитских), но здесь сколь-

ские баде и т.п.) можно видеть либо этот же морф, либо древнее множественное на *-ā* плюс нунация.

ко-нибудь распространены лишь немногие модели, преимущественно типа 'а-С₁С₂аС₃-, 'а-С₁С₂иС₃-.

Широкое применение внутренней флексии как приема словообразования привело в семитских, а возможно, и в других афразийских языках к созданию целого ряда моделей имен со значением коллективности, обобщения, собирательности и т.п.¹, семантически параллельных более древним моделям имен существительных со значением единичности. Эти-то пары, в особенности в арабском, использовались для выражения единственного и множественного числа, и вторичные модели огласовки в конечном счете почти полностью вытеснили в именах существительных исконные формы морфологической передачи множественного числа. Характерно, что между моделью огласовки единственного числа и моделью его ломаного множественного обычно почти не существует сколько-нибудь закономерной корреляции. По сути, ломаное множество оказывается не морфологической, а лексической категорией. Не случайно формы ломаного множественного в арабском согласуются как имена женского рода единственного числа, что вообще характерно для имен абстрактных.

Не только афразийских, но и общесемитских моделей ломаного множественного установить невозможно. Очевидно, они образовались по сходным причинам, но в разных языках по-разному и в разное, но всегда в относительно позднее время.

Так, в чадских языках встречаются различные формы образования числа, обязанные своим происхождением взаимодействию с субстратом, например: хауса *ba-hausa* 'хаусанец' - мн.ч. *hausawa*. В кушитских и омотских языках встречаются и другие вторичные формы образования множественного числа - вероятно, тоже из имен собирательных и т.п., но образованные путем суффиксации или префиксации.

¹ Некоторые модели ломаного множественного достаточно явно происходят от имен такого типа, например, модель С₁аС₂аС₃-t- в аккадском выражает обобщение: *tāb-t-* 'добро', *uabar-t-* 'фактория чужеземцев', ср. гə'əз *nagaš-t-* - мн.ч. от *nəgūš* 'царь'; модель С₁иС₂āС₃ выражает множественный характер явления: араб. *kitāb-* 'писание', откуда 'книга', но ср. *kilāb-* - мн.ч. от *kalb-* 'собака'; модель āа-С₁С₂āС₃- определяет обладание качеством, обычно в наибольшей степени: акк. *šā-pšāq-* 'величайшая трудность', *šā-ṭbāb-* 'обессиление, паралич', *šā-lbāb-* 'сердитость, -ый', в арабском часто качество цвета: 'а-*suād-* 'черный', но ср. 'а-*bḥār-* - мн.ч. от *bahr-* 'море'.

§ 6. Мимация (нунация) и артикль

Древнейшей формой детерминации имени с помощью артикля является, по-видимому, так называемая мимация/нунация, т.е. суффиксация детерминирующего местоименного элемента **-m/*-n*, (мн.ч. **-na/*-na*). Этот постпозитивный элемент присоединялся к падежно-му показателю только абстрактных падежей. На детерминирующий его характер указывает то обстоятельство, что в староаккадском, еще полностью сохраняющем мимацию во всех остальных случаях (кроме имен существительных мн.ч. м.р.), она отсутствует в *st. indeterminatus* и нередко в именах собственных. Однако уже к концу староаккадского периода функциональное назначение мимации перестает ощущаться: возможно, она сохраняется некоторое время для отличия в мужском роде единственного числа на *-u(-m)* от множественного на *-ū*, которое, видимо, в некоторых случаях из-за фразовой интонации теряло долготу; однако уже в старовавилонский период, хотя хорошие писцы не ошибались в правилах употребления мимации, она по большей части сохраняется на письме лишь как историческое написание. Мимация в единственном числе рано исчезла также в угаритском и еще до утери падежной флексии в древнееврейском.

В арабском языке нунация (*tanūīn*) сохранялась, но претерпела своеобразную функциональную эволюцию. Как уже видно из изложенного выше, в арабском имя, детерминированное другим именем или местоимением, нунации не получало (именно потому, что сама нунация была формой детерминации и две детерминации при имени были бы избыточными). С ослаблением детерминирующей функции нунации арабский язык выработал новый препозитивный артикль *al-(<*ha/l/-)*; и он-то присоединялся к форме, не имевшей другой детерминации (будь то родительным падежом, местоименным притяжательным суффиксом или нунацией); тем самым нунация стала в оппозицию к новому определенному артиклю, и сама из определенного превратилась в неопределенный артикль.

Следы нунации/мимации, по крайней мере во множественном числе, отчетливо сохранились в берберо-ливийских языках, менее отчетливо - в чадских; неясно, были ли они в кушитских и омотских. В египетском мимации/нунации определенно не существовало.

Артикли употребляются во многих афразийских языках - как препозитивные (араб, *al-*, др.-евр. *ha-* с геминацией последующего

согласного, т.е., очевидно, < *han- или < *hal- ?), так и постпозитивные [арам. -(h)ā̄ > -ā̄; позже, подобно нунации более раннего периода, этот артикль утерьял детерминирующую функцию и остался лишь как почти универсальное средство оформления имени]. Все эти артикли восходят к указательным местоимениям *hā, *hann- и т.п.

Египетский рано выработал собственный артикль из указательных местоимений *pV, *tV, *nV. В берберо=ливийских артикли возникали дважды, но уже ко времени древнеливийского утерьяли детерминирующую функцию и остались лишь, как мы видели выше, только для оформления статусов. В кушитских, омотских и чадских артикли мало или вовсе не распространены; однако они существуют, например, в бедауйе (где они совпадают с древнейшими берберо=ливийскими, сохранившимися в st. annexus), в сомали (kV-), в сидамо (-hV < -kV?) и т.п.

§ 7. Числительные

Общезападноафриканская система числительных не реконструируется. Наиболее распространены основа *fvdC, *fvrC (с неясным исходным слабым согласным) 'четыре'; и основа *čVn 'два': в семитских (*čin- > *tin-); берберо=ливийских (sin) и египетском (sn), но в кушитских этот корень означает 'одинаковость' (билин sānā), 'близнецы', (иракв dāngi)

Некоторые числительные еще сохраняют следы семантики, восходящей к счету по пальцам, например: общекуш. и общеомот. *lam- 'два' (< 'указательный палец'); ег. dy 'пять' (< 'относящееся к руке'); сем. hams- 'пять', первоначально 'горсть', 'кучка', ср. акк. hamāsu (√*hms) 'скрючивать руки или ноги'; араб. hamīs- 'группа, отряд' (отсюда же берб.-лив. summus 'пять' с изменением анлаута по аллитерации с *sids- 'шесть' - весьма обычное явление в истории числительных, ср. русск. девять, десять < *navā, *desantī); ег. md 'десять'; ср. сем. ma'd- 'много'. Другие числительные первого десятка, вероятно, восходят к специфическим наименованиям отдельных пальцев (как русск. мизинец, англ. thumb).

В подавляющем большинстве случаев каждая ветвь (семья) африканских языков образовывала собственную систему числительных, и этимологии их неясны. Часты заимствования числительных; так,

многие берберские языки пользуются частично или полностью арабскими числительными. Система числительных всюду десятичная.

Характерны аномалии в согласовании числительных; например, женский род числительного согласуется с мужским родом исчисляемого объекта, единственное число - с множественным. Определенные группы числительных согласуются с исчисляемым объектом как прилагательные, иные - как генитивные определения, иные - как атрибутивные приложения. Весьма часто исчисляемый объект при числительном ставится в единственном числе.